

— Это не я сделала, — Су Ю улыбнулась. — Это моя младшая соученица Цай Сяовэнь. Мы с ней из одной школы.

Проводив взглядом господина Чжоу, Су Ю взяла винный сосуд, встала, широко расставив ноги, и, подбоченившись, с молодецким задором осушила его до дна. Это было вино в честь праздника: план Су Ю, к которому она так долго и тщательно готовилась, чтобы Цай Сяовэнь смогла попасть в Павильон Официальной Керамики, наконец сделал первый шаг. Чайник «Поросенок» вместе с ее собственным изделием девятого ранга, аккуратно упакованные, уже отправились в путь на повозке господина Чжоу в столицу. По правилам Павильона, официальную керамику закупали только в Исине и Юйфэне, причем исключительно у мастеров, признанных победителями. Будучи мастером из Юйфэна, Су Ю не могла нарушить правила и настойчиво рекомендовать Цай Сяовэнь, поэтому ей оставалось лишь позволить «Поросенку» помочь в этом деле. Теперь, когда все зависело от людей, оставалось лишь уповать на волю небес.

Су Ю поставила сосуд и, не утруждая себя платком, вытерла рот тыльной стороной ладони. Она довольно пробормотала себе под нос:

— Глядишь, в Юйфэне скоро будет два мастера официальной керамики, причем из одной школы... Исинские ребята от злости лопнут. Ха-ха... Талант Сяовэнь к лепке не должен быть зарыт в землю. Надеюсь, небеса будут благосклонны и позволят этой резвой лошадке встретить своего наставника.

Закончив с делами, Су Ю вспомнила о керамическом чайнике, который обещала сделать для Цай Сяовэнь. Она достала из-за пазухи листок с эскизом и внимательно его изучила. Как только она разглядела причудливую форму чайника на рисунке, ее правая бровь дернулась, и ей захотелось взять свои слова о таланте Цай Сяовэнь обратно.

— Что это за чертовщина такая!

К вечеру гостей в керамической лавке семьи Су поубавилось. Су Ю сидела за низким столиком внутри прилавка, сосредоточенно над чем-то колдуя. Старый управляющий, заинтригованный этим зрелищем, подошел поближе и спросил:

— Юная хозяйка, чем занимаетесь? Чините чайник?

На столе лежали бамбуковые волокна, лезвия, угольник... Керамический чайник стоял без крышки, перевернутый вверх дном. Су Ю, зажав губами жесткое бамбуковое волокно, приоткрыла рот и ответила:

— Хочу добавить внутрь сетку, чтобы задерживать чайные листья.

Она вынула волокно изо рта, сделала последний виток, и маленькая круглая бамбуковая сеточка была готова.

Старый управляющий, сам в прошлом мастер, заинтересовался идеей Су Ю. Он сел рядом, взял сеточку и поднес ее к свече, чтобы рассмотреть получше.

— Дядюшка Чжао, ну как? Пойдет?

Управляющий отложил сетку, сначала кивнул, а потом покачал головой и, поглаживая бороду, произнес:

— Идея задержать чайные листья хороша, но использовать бамбуковую сетку... не годится. Она будет плохо держаться, да и вкус чая может измениться.

Су Ю энергично почесала подбородок, словно пытаясь вытянуть из него бороду:

— Тоже верно... А если из керамики? Керамическая сетка? Дядюшка Чжао, попросите кого-нибудь найти мне крышку от маленького солонки. Чтобы размером была чуть меньше этого отверстия.

Управляющий воодушевился и, не дожидаясь работника, сам отправился на склад. Су Ю осталась ждать и, имея свободную минуту, снова вспомнила про вчерашние краснеющие щеки.

Эх... — Су Ю тяжело вздохнула, вертя на пальце крышку чайника. Мягкое ощущение от того, как Цай Сяовэнь, потеряв сознание, упала ей в объятия, она сегодня вспоминала уже несколько раз. И чем больше вспоминала, тем грустнее становилось, а в голове роились мысли о том, как бы зайти дальше: если бы это было настоящее объятие, я бы предпочла слушать, как она поет о ссорах свекрови с невесткой до самого рассвета... Сегодня последняя ночь. Стоит ли мне набраться смелости, зажмуриться и... обнять ее? Но... но... под каким предлогом? Су Ю снова погрузилась в сомнения, нахмурившись так сильно, что морщинки на лбу стали глубже, чем на грецком орехе: Как же сказать... Сяовэнь, хе-хе, дай старшей сестре тебя обнять. Нет, нет! Это же совсем как уличная девка...

К счастью, времени было предостаточно, и Су Ю могла спокойно придумать предлог. Вспомнив, что сегодня вечером Цай Сяовэнь снова будет ждать ее у порога, она просияла и замурлыкала под нос мелодию, которую вчера пела Сяовэнь:

— Твоя мать снова торопит с наложницей, я словно та птица, летящая на юго-восток. Уйду к сливовому дереву с белым шелковым шарфом, чтобы мирская суeta больше не тревожила. У других в Цинмин деревни в абрикосовом цвету, а тебе стыдно идти на могилы...

Она раздумывала, что бы еще купить для Сяовэнь, кроме засахаренных винных фиников, и машинально подняла ажурную крышку чайника к глазам. Посмотрев сквозь нее по сторонам, она увидела улыбающиеся, изогнутые дугой глаза...

— Барышня!

Крышка упала на стол и покатилась с глухим стуком...

— Фэнлин! — Су Ю вскочила, пораженная. — Ты как здесь оказалась? А мама?

— Мы вместе вернулись. Госпожа пошла домой отдыхать. На последних восьми кругах кто-то отказался от участия, и соревнование закончилось на день раньше. Господин Цай и Танъюань тоже вернулись.

Фэнлин положила бумажный сверток на столик и развернула его — в воздухе тут же разлился аппетитный аромат.

— Принесла тебе лепешки с мясом, они еще горячие!

К удивлению Фэнлин, Су Ю даже не взглянула на благоухающее угощение. Она растерянно опустила на стул, и в ее глазах читалось полное опустошение.

— Почему у тебя такое лицо, когда я вернулась? Не рада, что мы дома?

Су Ю схватила лепешку и, словно назло, запихнула ее в рот, чуть не подавившись.

— Вы вернулись... Значит, сегодня вечером никто не будет ждать меня у дверей... — Да, и обнять уже не получится.

Если Су Ю была сама не своя, то Цай Сяовэнь чувствовала себя не лучше. Глядя на стол, заставленный тремя холодными и пятью горячими блюдами, где было мало овощей и много мяса, она даже не притронулась к палочкам. Мастер Цай, напротив, был очень доволен богатым ужином и с аппетитом принялся за еду:

— Сяовэнь, ты что, провидица? Откуда знала, что я вернусь пораньше, и приготовила столько всего? Слишком много... не осилим.

Он не знал, что это было приготовлено вовсе не для него, а соответствовало порции Су Ю...

Отец сидел прямо перед ней, и Сяовэнь понимала, что сегодня Су Ю уже не придет. Не дождавшись той, кого так жаждало сердце, она почувствовала необъяснимую пустоту. Кое-как проглотив пару ложек риса, она нашла предлог, чтобы уйти в комнату, и, не раздеваясь, повалилась на кан. Она натянула одеяло и закрыла глаза, пытаясь вытеснить из мыслей эту верткую «помело». Но, как назло, стоило ей закрыть глаза, как она почувствовала запах волос той самой особы, исходящий от одеяла...

— А-а-а! — трижды раздраженно воскликнула Сяовэнь, подскочила с одеялом, зарылась в него, свернувшись калачиком на кане, и замерла, выставив зад. Спустя долгое время она крикнула из-под одеяла: — Ненавижу Су Ю! Су Ю самая противная!

Она резко сдернула одеяло, взъерошив волосы так, что они торчали в разные стороны. Одиночество царапало сердце, и Сяовэнь, обнимая одеяло, пахнущее Су Ю, смеялась сквозь слезы:

— Если бы старшая сестра знала, что я так по ней скучаю, она бы точно смеялась до упаду...

Но Су Ю не падала. Она сидела, ровно держа спину, склонившись над лампой, и старательно выводила линии на бумаге.

— Рисуешь? Давно не видела, чтобы ты занималась делами по вечерам, — Фэнлин заглянула ей через плечо. — Это... что такое?

— Чайник, — Су Ю даже не подняла головы, продолжая рисовать вид сбоку. Эскиз Цай Сяовэнь был слишком сложным, к тому же был только вид спереди. Некоторые детали даже Су Ю были неясны, поэтому приходилось рисовать чайник с разных ракурсов, чтобы не ошибиться при лепке.

Фэнлин лукаво улыбнулась:

— Это ведь барышня Сяовэнь рисовала, верно?

— М-м... а? — Су Ю наконец подняла голову и машинально убрала за ухо упавшую прядь волос.
— Ты догадалась?

— Конечно... такую удивительную форму ты бы сама ни за что не придумала. Помогаете ей сделать?

— М-м, в качестве ответного подарка.

— За ужин у нее дома? Кстати... ты ведь ночевала у нее две ночи?

Су Ю бросила на нее взгляд и снова уткнулась в рисунок:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, что-нибудь произошло? — Фэнлин, жадная до сплетен, вертелась вокруг Су Ю.

— Нет... Ой, нет, подожди, было.

— Что, что?!

— Не скажу, — Су Ю сделала таинственное лицо, которое так и просило удара. — Если скажу, все будут меня презирать, а первая красавица Юйфэна убьет меня на месте!

Не успела Фэнлин среагировать, как госпожа Су, договорившаяся поиграть в карты с соседками, приоткрыла дверь и заглянула внутрь:

— Су Ю, я забыла сказать. Та партия керамических чаш, что заказала семья Хоу, готова и

лежит в лавке. Госпожа Хоу — моя давняя подруга по играм, завтра отвези их лично, заодно захвати местный деликатес из Линьчэна, который я ей купила.

На следующее утро Су Ю с чашами и гостинцами отправилась в поместье Хоу. Она была здесь впервые и, увидев роскошные хоромы, сразу поняла, что семья весьма состоятельная. Госпожа Хоу была очень рада видеть Су Ю и рассыпалась в похвалах госпоже Су за то, что у той такая красивая и способная дочь. Нахвалившись, она позвала свою собственную дочь.

В комнату медленно вошла барышня в роскошных одеждах и с почтением поклонилась госпоже Хоу. Та указала на нее и улыбнулась Су Ю:

— Это моя дочь, Хоу Чжуньэр.

Су Ю и Хоу Чжуньэр обменялись вежливыми поклонами. Подняв головы и встретившись взглядами, Су Ю так удивилась, что чуть не прикусила язык...

Маленькая обезьянка?!

— Ты ведь Маленькая обезьянка, верно?! — Су Ю не сдержалась, ухватила Хоу Чжуньэр за рукав и потянула, заставляя остановиться. Улица была полна людей и повозок, никто не обращал внимания на двух молодых девушек, болтающих в сторонке.

— А! Маленькая Помело! Ха-ха, я же говорила, что ты показалась мне знакомой в тот день! Так это ты, Су Ю из керамической лавки! Я однажды была на смотре керамики, но не разглядела тебя толком! Эх, надо было догадаться, когда Цай Сяовэнь говорила о своей старшей сестре. Я тогда подумала, что она из секты Эмэй!

Только что в поместье Хоу Су Ю с трудом скрыла изумление. Хоу Чжуньэр тоже вовремя спохватилась, расцвела улыбкой, взяла Су Ю за руку и сказала госпоже Хоу, что они с Су Ю сразу нашли общий язык и хотят погулять под открытым небом, чтобы вдоволь наговориться. Госпожа Хоу души не чаяла в дочери и, видя, как они сдружились, с радостью отпустила их. К счастью, вчерашний зимний дождь сменился ясным днем. Получив повод выбраться, Чжуньэр потащила Су Ю на улицу.

— Э-э? Ты знаешь, что «Сяовэнь» — это Цай Сяовэнь?

— Ха-ха, конечно! Мы подруги, а еще мы вместе деремся. — Чжуньэр поправила пояс. Ее глаза горели, она больше не походила на изнеженную барышню. На ней был толстый халат из сычуаньского шелка нежно-фиолетового цвета, отороченный лисьим мехом, а на поясе красовался темно-зеленый квадратный нефрит. С головы до пят она выглядела куда богаче, чем Су Ю в своей зимней одежде. — Я близко знакома только с Цай Сяовэнь, остальные — просто партнеры по дракам. Моя мама об этом не знает, даже моя служанка не в курсе. Потому я тебя и вытянула, хе-хе.

Су Ю кивнула:

— Понимаю, понимаю. Это секрет. О нем даже в учебниках истории не напишут.

— Угу! Раз уж мы вышли, не хочется сразу возвращаться. У тебя есть дела? Я составлю компанию.

Су Ю немного подумала и вспомнила, что защитный крем для рук перед лепкой как раз закончился. Она предложила Чжуньэр сходить вместе. Крем привозили из столицы, стоил он недешево, и продавался только в одной лавке на юге города. День был ясный, у Чжуньэр дел не было, а Су Ю хотелось немного отдохнуть. Они не стали брать повозку и медленно пошли пешком.

Вскоре они вышли на широкую улицу. Вокруг сновали люди, торговцы наперебой выкрикивали свой товар — было очень шумно. Су Ю и Чжуньэр обсуждали прочитанные стихи, как вдруг в толпе впереди началось движение. На бешеной скорости мчалась повозка. Несмотря на толпу, молодой кучер не сбавлял ход, крича людям, чтобы те расступились, и хлестая лошадей вожжами.

Чжуньэр, видя такую наглость, нахмурилась, оттянула Су Ю к обочине и продолжила обсуждать «Чуские строфы». Они оказались в безопасности, но вчерашний дождь оставил на дороге множество луж. Повозка пронеслась мимо, колеса угодили в большую лужу, подняв целый фонтан воды...

— В «Чуских строфах» мне тоже больше всего нравится мастер Цюй Юань. Но по сравнению с «Плачем» я больше люблю «Девять песен». «Плач» слишком тяжел, а романтика «Девяти песен» как родниковая вода... — Чжуньэр не успела договорить, как почувствовала, что половина лица стала мокрой. Провела рукой — грязь. — ...Ах ты, черепаший сын! — Чжуньэр выбежала на середину улицы, указывая на удаляющуюся повозку и гневно ругаясь: — Не видишь, что ли, вода на дороге?! Летишь так быстро! Не боишься сам в этой повозке сгинуть!

Выругавшись, она сердито обернулась и увидела, что Су Ю смотрит на нее с нескрываемым изумлением. Чжуньэр спохватилась, что повела себя неприлично, и смутилась:

— Прости... когда я в ярости, не могу себя контролировать...

— Нет-нет! — к удивлению Чжуньэр, на лице Су Ю появилось выражение восхищения. — Больше всего на свете я уважаю женщин, которые не притворяются!

Хотя их дружба стала еще крепче, обе были с ног до головы в грязи, поэтому пришлось искать поблизости баню, чтобы помыться, а заодно отправить банщика купить им чистую одежду.

К счастью, баня нашлась неподалеку. Вывеска «Большая баня в персиковом лесу» выглядела довольно старой. Они разделись и вошли в бассейн для женщин. Внутри было полно пара, кожа Су Ю сразу порозовела от жара. Она повернула голову и увидела, что белокожая Чжуньэр уже

стала совсем красной. Су Ю откинулась назад, сделала глубокий вдох и почувствовала невыразимое блаженство. Людей в бассейне было немного, вода — горячей, все было прекрасно. Только вот приближалось время обеда, и она немного проголодалась. Она уже думала, что бы такого съесть, как услышала, что Чжуньэр рядом что-то напевает:

— Старый кучер, подвези меня, младшей сестре уже восемнадцать... — Чжуньэр закрыла глаза, прислонившись к бортику, и с довольным видом мурлыкала: — Старый кучер, подвези меня, у младшей сестры личико как семечко...

Су Ю слушала, как Чжуньэр поет «Старого кучера», и сравнивала с «Восемнадцатью прикосновениями», которые ей доводилось слышать — оказалось, что у них много общего. Она и не думала, что Чжуньэр, только что рассуждавшая о поэзии, тоже знаток подобных песен, и почувствовала еще большую близость.

Был полдень — время смены банщиков. Когда они, раскрасневшиеся, вышли из бассейна, их встречала уже другая смена.

Девушка у входа была особенно бодрой. С белым полотенцем на плече, в позе «ци-цзы», она зычно и нараспев выкрикивала:

— Про-о-о-ходите! Внутри... про-о-о-сторно! Вода... го-о-орячая!

Су Ю и Чжуньэр лежали на лавке для отдыха, собираясь заказать что-нибудь перекусить, и, привлеченные этим криком, одновременно посмотрели на вход. И стоило им взглянуть... как они в один голос вскрикнули:

— Первая красавица Юйфэна!

Это была та самая девушка. Она была одета в короткий рабочий халат, с полотенцем в руках, и громко указывала клиентам:

— Раздеваться здесь! Раздеваться здесь! Заходить туда! Заходить туда! А? А? О! В бассейне... на старой Восточной улице, тетушка Ли Таохуа... вас ищут!

Эта бойкая речь, этот актерский голос — настоящая судьба банщицы.

Чжуньэр была так рада ее видеть, что спрыгнула с лавки, даже не обувшись, и босиком подбежала к ней:

— Первая красавица Юйфэна!

Та остановилась, оглядела Чжуньэр с ног до головы и радостно воскликнула:

— Это ты! Та самая... Маленькая обезьянка!

— Ага! Не ожидала встретить тебя здесь! Ты тут работаешь?

— Да, банщицей! Только не называй меня здесь первой красавицей Юйфэна... Меня зовут Ли Ацяо. Зови меня Ацяо. А где та, с «москитом»?

Услышав настоящее имя, Чжунъэр решила не скрываться:

— Я Хоу Чжунъэр. Сяовэнь не пришла, но пришла Маленькая Помело, она вон там. Помнишь ее?

Ли Ацяо посмотрела в ту сторону, куда указывала Чжунъэр, кивнула Су Ю и улыбнулась:

— Помню, та старшая сестра, которая так ловко лепила из глины. Ну что, помылись?

— Ага! Собираемся что-нибудь перекусить.

Ли Ацяо поняла, что назревает сделка, перекинула полотенце через плечо и с горящими глазами произнесла:

— Тогда давайте я вам стопы помну! Я это лучше всех делаю!

<http://bllate.org/book/18936/1855602>